

УДК 130.2+141

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА И НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ПОСТМОДЕРНЕ:
КРИЗИС И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ****И.М. МАКАРЕНКО***(Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск)*

Рассматривается негативное влияние установок постмодерна на художественную культуру и научную рациональность. Показано, как утрата универсальных смысловых полей приводит к коренному переосмыслению сущности произведения искусства и релятивизации его ценностного статуса, а также становится причиной потери критериев различия реальности и художественного вымысла. Обсуждена идея, что в сфере научного познания постмодернизм поставил под сомнение не только достоверность рационального видения мира, но и само понятие объективной реальности, что подрывает методологические основы науки. В рамках исследования указывается на пути преодоления сложившегося кризиса, которые предлагает культура пост-постмодерна: коммуникативный проект К.-О. Апеля и неоклассицизм М. Готдинера. В пределах теорий последних мыслителей осуществляется возврат к когнитивной ценностной системе европейской культуры, что обеспечивает искусство и науку стабильным методологическим фундаментом.

Постмодернистская критика затронула фундаментальные предпосылки европейской цивилизации – под тотальным сомнением оказалась не та или иная концепция, сама способность человека адекватно познавать объективную реальность. Будучи логически развитой, подобная гносеологически пессимистичная позиция оказала разрушительное влияние на такие когнитивные ценности европейского социума, как онтологический статус языка, понятие истины и фундированность мышления абсолютными категориями. В свою очередь это привело к кризисным явлениям в различных культурных областях, в том числе в художественной культуре, и инициировало поиск путей выхода из кризиса. В результате сформировался пост-постмодернистский парадигмальный поворот, основанный на возвращении к традиционным европейским когнитивным ценностям.

Вопросы, связанные с искусством и наукой, всегда являются актуальными и находятся в фокусе исследовательского интереса различных ученых. Так, А. Генис анализирует проблемы искусства в контексте общей смены парадигмы, происходящей в постиндустриальном культурном мире [1]. Исследователь Ф. Шеффер показывает, как трансформации в области гносеологии оказывают влияние на искусство и науку [2]. Джеймисон Ф. сравнивает подходы к пониманию произведения искусства в модернизме и постмодернизме, выявляя существующую между ними разницу [3]. Кристева Ю. подчеркивает необходимость подходить к решению вопросов художественного текста с позиций общего изменения субъективного сознания в постмодернизме [4]. Ильин И. отмечает характерные для постмодерна перемены в эстетической парадигме, приведшие к изменению подходов к оценке художественного произведения; а также указывает на радикальную трансформацию отношения к научному видению мира в рамках культуры постмодерна [5; 6].

Цель данного исследования – выявление связи между гносеологическим пессимизмом постмодерна, системами художественной культуры и научной рациональности, а также раскрытие гносеологических аспектов сущности пост-постмодерна, восстанавливающего приоритетные когнитивные ценности европейской культуры.

Основная часть. В процессах, происходящих в области искусства, как справедливо замечает И. Ильин, «проблематика исторической ментальности или, как раньше говорили, духа времени, всегда проявляется наиболее наглядно» [5, с. 174]. В связи с этим следует отметить, что конец XX – начало XXI века ознаменованы глубоким декадансом в области художественного творчества. Это вызвано отсутствием методологических оснований, на базе которых было бы возможно рождение подлинно великого искусства, способного преодолеть сопротивление материально-языкового субстрата и подняться до универсальных философско-художественных обобщений.

Одна из важнейших функций искусства – коммуникативная, её сущность заключается в передаче информации, что в результате приводит к возникновению определенной смысловой общности. Такая концептуальная установка предполагает, что используемые при коммуникации материальные знаки, например, «слова – это только средство для передачи идей, которые нам нужно сообщить; мы не стремимся передать только последовательность звуков речи» [7, с. 123]. Применительно к художественному творчеству это означает, что творение искусства имеет бинарную структуру и представляет собой материально-языковую форму, подчиненную смысловому содержанию и подлежащую герменевтическому прочтению. Последнее предполагает, по Ф. Джеймисону, что «произведение искусства в своей

застывшей, объектной форме берется как ключ или симптом для некоторой гораздо более широкой реальности, которая заступает на его место в качестве его конечной истины» [3, с. 124].

Отсутствие в культуре универсальных смыслов низвело статус произведения искусства до уровня пространства циркуляции языковой стихии: отсоединяясь от смыслового обеспечения, материально-знаковая форма становится независимой и не представляет ничего более, чем саму себя. Так, осмысливая феномен абстрактного искусства, У. Эко подчеркивает: «то, что произведено, не имеет само по себе никакого значения, интересен лишь способ его создания» [8, с. 71]. «Поэзия <...> – это разговор самого языка», – отмечает В. Кривулин [9, с. 226]. Как считает А. Генис, в ключевые «судьбоносные метаморфозы», которым подвержено искусство на «пути в постиндустриальную культуру», входит «переориентация с произведения на процесс» [1, с. 245].

Утрата произведением искусства семантико-коммуникативного потенциала приводит к его телесно-сенсорному восприятию, сущность которого не в осознании, а в переживании, что в конечном итоге соответствует постмодернистской интерпретации исконно отождествляемого с художественным творчеством понятия игры. Последняя в постмодернизме понимается не как действование в пределах определенных правил, а как, согласно Г. Гадамеру, «процесс движения, охватывающий играющих и играющее»: игра волн, играющий рой комаров, свободная игра тела – «это не просто метафоры». Гадамер считает, что «само очарование игры для играющего сознания заключено в растворении себя самого во взаимосвязи движений, которая обладает собственной динамикой» [10, с. 139]. Это подтверждает теснейшую связь, существующую между искусством и теми ментальными сдвигами, которым подвержено современное культурное сознание, по мнению Ю. Кристевой, осуществляющее ««скатывание» в бессознательное, а также в сенсорное, перцептуальное» [4, с. 13].

Одним из важнейших признаков постмодернистской художественной парадигмы является элиминация аксиологического рубежа между массовым и элитарным искусством. Западные «критики культуры», – отмечает И. Ильин, – пошли по пути решительной релятивизации эстетической ценности, доказательства ее принципиальной относительности и исторической ограниченности ее престижности, значимости, а следовательно, и влияния на весь механизм эстетических взглядов» [5, с. 134]. Он также подчеркивает, что «в определенных случаях, как это пытаются доказать новейшие литературоведы, популярная песенка способна обладать большей эстетической ценностью, нежели любая пьеса Шекспира» [5, с. 134]. Очевидно, что такое становится возможным в силу утраты стабильных критериев оценки, опирающихся на абсолютные метафизические основания, а не на ситуативно-произвольные предпочтения массового реципиента.

Именно утрата метафизических ориентиров влечет за собой невозможность существования и художественной рефлексии – критики. Последняя в современном художественном мире не существует, и существовать не может, так как не имеет для этого никаких методологических опор. Необходимо подчеркнуть, что исчезновение критики детерминировано не отсутствием цензуры, не существованием свободы слова, а исчезновением абсолютных критериев оценки. Так как соответственно постмодернистской гносеологически скептической парадигмальной установке, всякое высказывание критического мнения является претензией на познание, агрессией, «волей к власти», оперирующей вымышленными универсалиями и абсолютами.

И наконец, еще одним из последствий отказа постмодернистской культурой от ценности абсолютной истины является отсутствие критериев для дистинкции реального мира от мира художественного вымысла. Как справедливо отмечает Ф. Шеффер, несмотря на то, что в своих творческих возможностях художественного и технического преобразования окружающего мира человек ничем не ограничен, ему необходимо иметь верную гносеологию, позволяющую отличать вымысел от действительности и «не принимать своих мысленных представлений за объективную реальность» [2, с. 321]. А поскольку подобным гносеологическим аппаратом в своем арсенале постмодернизм не располагает, совершенно оправданно заключение мыслителя относительно того, что современный человек «лишился категорий, которые давали ему возможность достоверно отличать действительность от порождений собственного воображения» [2, с. 297]. Таким образом, исходные предпосылки постмодернистского философствования, агностического в своей сущности, при постулировании снятия каких бы то ни было ограничений не позволяют свободно проявляться творческому потенциалу человека ввиду презумпции гносеологического игнорирования, лишаящего возможности ориентироваться в необъятных туманных просторах художественной виртуальности. В силу же отсутствия критериев для отделения художественного вымысла от мира действительности современное искусство стремится ассимилироваться с окружающей реальностью и становится все более массовым. Поэтому, как отмечает А. Генис, «сегодняшний художник, в отличие от вчерашнего, создает не “картины”, а “рамы” для творчества толпы» [1, с. 241]. Это же подчеркивает и Ф. Шеффер, указывающий на то, что во время хепенингов зритель «делает как бы частью картины <...> не дают остаться наблюдателем, а вынуждают участвовать в действе» [7, с. 34].

Кризисным процессом оказалась охвачена и такая область духовной культуры человека, как наука. Обладая непререкаемым авторитетом, рационалистическая научная мысль подверглась жесткой критике в рамках постмодернистской ментальности. В условиях гносеологического пессимизма она стала рассматриваться как механизм контроля и давления, а результаты научной деятельности стали восприниматься, по И. Ильину, как «отчасти <...> “художественные” тексты» [6, с. 5]. Постмодернистское восприятие действительности, отмечает исследователь, «характеризуется убеждением, что любая попытка сконструировать модель мира – как бы она ни оговаривалась или ограничивалась эпистемологическими сомнениями – бессмысленна» [5, с. 159].

Однако дискредитации подверглись не только когнитивные способности науки. Под огнем критики оказался и сам предмет научного познания – объективная реальность. По мнению И. Ильина, «постмодернистская мысль пришла к заключению, что все, принимаемое за действительность, на самом деле есть не что иное, как представление о ней, зависящее к тому же от точки зрения, которую выбирает наблюдатель, и смена которой ведет к кардинальному изменению самого представления» [6, с. 230]. А это значит, что «восприятие человека объявляется обреченным на “мультиперспективизм”, на постоянно и калейдоскопически меняющийся ряд ракурсов действительности, в своем мелькании не дающих возможности познать ее сущность» [6, с. 230]. Таким образом, процессом деконструкции оказалась охвачена не только субъект-объектная схема как таковая, но и ее структурно-оппозиционные элементы, представленные в виде субъекта и предмета исследования.

Для понимания степени отклонения постмодернистского мировосприятия в неблагоприятную для науки сторону следует кратко обозначить мировоззренческие условия, в которых западная рационалистическая наука возникла. Анализируя христианский ментально-аксиологический контекст, внутри которого происходило зарождение и развитие европейской науки, Ф. Шеффер подчеркивает, что ранние ученые опирались на веру в существование Бога, создавшего «мироздание, доступное разумному постижению; так что человек, используя разум, мог познавать законы мироздания» [11, с. 199]. Кроме этого, в рамках христианского мировоззрения присутствует убежденность в «изначальном существовании внешнего мира, сотворенного Богом» [2, с. 312]. В противоположность этому, «восточное созерцание никогда не проходило под знаком уверенности в существовании объективной реальности», что и стало причиной того, что «Восток так и не породил собственной науки»; подводя итог своему размышлению, ученый заявляет, что «без внешнего мира нет предмета научных изысканий, нет основания для эксперимента и дедукции» [2, с. 313].

Таким образом, христианское миропонимание, опирающееся на доктрину целенаправленного акта творения *ex nihilo* и апеллирующее к личностно-разумному Богу как Абсолюту, определяло существование благотворного для становления науки ментального пространства, главными компонентами которого выступали: а) непоколебимая уверенность в бытии объективной внеположенной Богу и человеку действительности; б) твердая вера в наличие незыблемых универсальных законов, положенных Творцом в основание мироздания и открытых для постижения разумом. Кроме этого, признание существования отделенного от универсума и противоположного последнему по субстанциальной природе Субъекта творения формировало в сознании метаматрицу субъект-объектного разделения и создавало являющееся смысловым обеспечением научного мышления идеальное представление когнитивного плацдарма, полностью выведенного за пределы изучаемого объекта, с плоскости которого возможен объективный взгляд на мир – познавательное отражение – с целью раскрытия его сущности. В результате были заложены основания выдающейся западноевропейской научной рациональности, позволившие совершить беспрецедентные открытия и осуществить интеллектуальный прорыв, неведомый ранее человеческой цивилизации.

Очевидно, что постмодернистское миропонимание, не признающее онтологичности предмета исследования, рассматривающее его как интеллектуальную иллюзию, а также тотально скептически относящееся к способности человеческого рассудка постичь универсум (в случае если последний все же существует, а не является виртуальным плодом «художественного» вымысла), радикальным образом отличается от христианского мировоззрения времен формирования научной рациональности. Неприятие абсолютного знания и оценка его как используемый с целью когнитивного подавления вымысел, отрицание гносеологического потенциала разума и утрата субъект-объектной оппозиции в конечном итоге лишает науку философски обоснованного методологического фундамента, обрекая на дальнейшее движение вперед, основанное лишь на эмпирической инерции.

Кроме этого, современная наука, проникая во все более этически неоднозначные проблемные поля исследований, такие как генная инженерия, клонирование и пр., нуждается для своего регулирования в определенном и жестко обозначенном нормативном поле, каковым не обладает в силу системного релятивизма, в том числе и нравственно-аксиологического, агностический постмодерн.

Поэтому столь актуальным становится пост-постмодернистский философско-культурологический поворот, в рамках которого сформировались коммуникативная программа К.-О. Апеля [12] и неоклассицизм М. Готдинера [13]. Они опираются на такую когнитивную ценность европейской цивилизации, как гносеологический оптимизм – уверенность в способности человека рационально познавать мир. Это позволяет вернуться к стабильному пониманию действительности и возможности оперировать абсолютными категориями, а следовательно, и позволяет восстановить ценностную систему европейской культуры, утраченную в силу постмодернистской критики. Это касается, в том числе, и таких областей, как художественная культура и научная рациональность: пост-постмодерн делает возможным возврат к осмысленности и эстетическим стандартам в искусстве и методологическому обоснованию реальности в науке.

Заключение. Исходные предпосылки постмодерна, заключающиеся в отрицании познавательных способностей человека, не ограничиваются философией, влияют на всю культуру в целом. Будучи перенесенными, в сферы художественной культуры и научной рациональности, они приводят к радикальному переосмыслению самой сущности искусства и лишают науку ее методологического фундамента. Все это приводит не только к кризисным процессам, к утрате европейской цивилизацией индивидуального культурного облика. Таким образом, особую актуальность обретают пост-постмодернистские проекты: коммуникативная программа К.-О. Апеля и неоклассицизм М. Готдинера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Генис, А. Вавилонская башня / А. Генис // Иностранная литература. – 1996. – № 9. – С. 206 – 251.
2. Шеффер, Ф. Он здесь и Он не молчит / Ф. Шеффер // Он здесь и Он не молчит: избранное / Ф. Шеффер; пер. с англ. – СПб.: Мирт, 2002. – С. 247 – 347.
3. Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма / Ф. Джеймисон // Философия эпохи постмодерна: сб. пер. и реф.; сост., ред. А.Р. Усманова. – Минск: Красико-принт, 1996. – С. 117 – 137.
4. Кристева, Ю. Ответы на вопросы редакции журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» / Ю. Кристева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1995. – № 2. – С. 5 – 17.
5. Ильин, И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1998. – 255 с.
6. Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 255 с.
7. Шеффер, Ф. Бог Сущий / Ф. Шеффер // Он здесь и Он не молчит: избранное / Ф. Шеффер; пер. с англ. – СПб.: Мирт, 2002. – С. 1 – 178.
8. Эко, У. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна / У. Эко // Философия эпохи постмодерна: сб. пер. и реф.; сост., ред. А.Р. Усманова. – Минск: Красико-принт, 1996. – С. 48 – 73.
9. Кривулин, В. Поэзия – это разговор самого языка / В. Кривулин // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 14. – С. 223 – 233.
10. Гадамер, Г. Человек и язык / Г. Гадамер // От Я к Другому: сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. – Минск: Менск, 1997. – С. 130 – 142.
11. Шеффер, Ф. Бегство от разума / Ф. Шеффер // Он здесь и Он не молчит: избранное / Ф. Шеффер; пер. с англ. – СПб.: Мирт, 2002. – С. 179 – 246.
12. Апель, К.-О. Трансформация философии: сб. / К.-О. Апель. – М.: Логос, 2001. – 344 с.
13. Gottdiener, M. Postmodern semiotics: material culture and the forms of postmodern life / M. Gottdiener. – Oxford: Blackwell, 1998. – 262 p.

Поступила 10.04.2012

ART CULTURE AND SCIENTIFIC RATIONALITY IN POSTMODERNISM: THE CRISIS AND WAYS TO OVERCOME IT

I. MAKARENKO

This article discusses the negative impact on the attitudes of postmodern art and culture of scientific rationality. The author shows how the loss of universal semantic fields leads to a radical rethinking of the essence of art and makes it valuable relative. In the field of scientific knowledge of postmodernism questioned the notion of objective reality, which undermines the methodological foundations of science. Within the article, the author also points to ways of overcoming the crisis, which offers a post-postmodern culture: the communicative project K.-O. Apel and M. Gottdiener neoclassicism.